

«Главной его чертой была человечность...»

А. Е. Рабинович

Мой отец, Евгений Исаакович Рабинович, был учёным и редактором мирового масштаба, а также талантливым преподавателем, журналистом, поэтом и архитектором-любителем. Однако это далеко не всё. Его участие в качестве химика и руководителя в Манхэттенском проекте, интенсивной программе по созданию первой атомной бомбы, навсегда изменило его жизнь. Мысль об угрозе выживанию человечества, которую принесло с собой ядерное оружие, неопишемые ужасы Хиросимы и Нагасаки не давали ему покоя до конца его дней.

Отец мой родился в 1898 году в семье выпускника Санкт-Петербургского университета адвоката Исаака Моисеевича Рабиновича и пианистки, ученицы Антона Рубинштейна Зинаиды Моисеевны Вайнлунд. В 1915 г. он закончил тогда ещё достаточно новое частное прогрессивное Тенишевское училище, недалеко от его дома на улице Жуковского, 47. Здесь, в стимулирующей атмосфере училища, зародились его многосторонние творческие интересы.

После окончания Тенишевского училища осенью 1915 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет. С началом Первой мировой войны обнаружилась зависимость России от импорта химических материалов из Германии. Это вызвало запоздалое признание царским правительством необходимости подготовить собственных химиков и создание группы химии в естественном разряде физико-математического факультете Санкт-Петербургского университета. Он был одним из семи студентов первого класса группы.

В числе многих представителей российского либерального среднего класса Евгений Исаакович с энтузиазмом приветствовал Февральскую революцию 1917 г. Он был убеждён, что выборное Учредительное собрание установит в России демократию западного типа. Он с гордостью принял участие в грандиозной по масштабу похоронной процессии и захоронении 180 погибших героев революции в братской могиле на Марсовом поле 23 марта 1917 г. Он с готовностью отозвался на призыв к студентам добровольно вступить в ряды городской милиции. Вспоминая эти горячие дни, он писал, что «я в основном занимался тем, что разгонял кабацкие драки - прощай, химия!». Своей особо почётной обязанностью в эти революционные дни он считал наблюдение за порядком проведения выборов в Учредительное собрание в своём избирательном округе.

В середине августа 1918 г., за две недели до начала «красного террора» в Петрограде, он вместе с семьёй переехал к родственникам в Киев. Вскоре по прибытии в Киев он поступил в Киевский университет. Однако из-за царящей в городе политической нестабильности, а также из-за нехватки воды и газа в лабораториях учёба и исследовательская деятельность были невозможны.

Весной 1921 г. благодаря случайным связям с датским посольством моему отцу и его родителям удалось пробраться в Германию, где он провёл 12 лет (с 1921 по 1933 г.). Он был принят на химический факультет Берлинского университета. Помимо своей основной специальности - химии, он занимался углублённым изучением физики, математики и философии. Он прослушал курс лекций Альберта Эйнштейна по теории относительности и Эрвина Шредингера по волновой механике. Также он участвовал в коллоквиуме по физике с Максом Планком, Максом фон Лауэ, Вальтером Нернстом, Шредингером и Эйнштейном, которые к тому времени были уже лауреатами Нобелевской премии.

В 1929 г. он принял предложение о работе ассистентом Джеймса Франка, выдающегося физика, лауреата Нобелевской премии, директора второго физического института в Гёттингенском университете, в то время одного из крупнейших в мире исследовательских институтов в области экспериментальной физики. В Гёттингене он серьёзно заинтересовался исследованиями в области фотосинтеза. Это первоначальное сотрудничество с Франком продлилось до 1933 г., когда из-за нацистского террора он вынужден был покинуть Германию вместе с Анной Дмитриевной Майерсон, Аней, которая за год до этого стала его женой. Она работала актрисой в Русской театральной труппе в Европе.

Живя в Германии, мой отец скучал по своему любимому Петербургу и на протяжении 20-х годов из Берлина и Гёттингена он с интересом наблюдал за расцветом российской науки в период нэпа. Советским учёным тогда ещё разрешались относительно свободно поездки за границу, и он встречался со многими из тех, кто посещал Германию. Летом 1930 г. он неожиданно получил приглашение на международный научный конгресс в Ленинграде. Хотя он и был приглашён как немецкий поданный, он сомневался в возможности получения визы и въезда на территорию Советской России. Однако он получил визу и, как видно из письма, которое он написал близкому родственнику после своего возвращения в Германию, провёл несколько дней в Ленинграде и, возможно, в Москве. Его русское происхождение раскрылось, как только он появился на конгрессе, так как среди участников было несколько советских учёных, с которыми он контактировал в Берлине. Однако, к его великому удивлению, ни его происхождение, ни социальная природа не вызвали никаких затруднений. Напротив, он был размещён в гостинице «Европа», и его чествовали как особо «знатного иностранца». Он лично беседовал с Сергеем Вавиловым и Абрамом Иоффе, которого он посетил в его Ленинградском

физико-техническом институте, известном как «колыбель советской физики».

В то время как оказанный ему приём поражал до такой степени, что он постоянно щипал себя, чтобы удостовериться, что это не сон, его встречи с родственниками, жившими в тех же бедственных условиях, что и большинство советских граждан во времена «сталинской революции», повергали его в состояние уныния и тревоги. Позднее он писал: «Видел я всех... Живётся всем сейчас очень трудно; во-первых, страшно трудно с продовольствием... и ещё больше с платьем, бельём и т. д., которых вообще нельзя достать; а во-вторых, усиление террора действует на всех удручающе и вызывает на двенадцатый год революции настроение, знакомое нам по 18-му и 19-му году. Ценой этого террора и обнищания получается теперь проведение в жизнь во чтобы то ни стало и в бешеном темпе индустриализации страны: строятся десятки новых заводов, высших учебных заведений, особенно технических, исследовательских институтов т. д. ... В успех этого строительства почти все верят, и многие даже из нашего круга им увлекаются. Это единственный путь для того, чтобы избегать ощущения полной бессмысленности жизни и отчаяния. Всё это вместе создаёт впечатление глубокого и трагического процесса, исход которого страшно себе представить».

В конце 1933 г. мой отец принял приглашение вести исследовательскую работу в Университетском Колледже в Лондоне, а с 1939-го по 1943 он был членом кафедры химии в Массачусетском технологическом институте (MIT) в Бостоне (США). Там он продолжал работу в области фотосинтеза и приступил к написанию своего монументального трёхтомного исследования по этой теме. Первые два тома этого исследования стали одним из первых, а возможно, и самым первым научным трудом западного учёного, опубликованным в Советском Союзе при Сталине.

В эти первые годы в MIT он и моя мама познакомились с широко признан-

ным зачинателем исследований по истории России в Америке и редактором «Нового журнала», гарвардским учёным-иммигрантом Михаилом Михайловичем Карповичем и его супругой Татьяной Николаевной. Вскоре они стали близкими друзьями. В начале 40-х годов летом мы гостили на ферме Карповичей в цветущих горах Южного Вермонта. Жизнь была простой - без электричества, водопровода или телефона. Однако каждое лето ферма превращалась в улей культурной жизни русских эмигрантов. В летние месяцы там постоянно бывали такие «звёзды» русской эмиграции в Америке, как писатель Владимир Набоков (который днём часто занимался ловлей бабочек)* профессор Йельского университета Георгий Вернадский (он жил и работал в бывшей кузнице на ферме),* юрист и бывший премьер-министр Временного правительства Александр Керенский, его соратник, видный социалист-революционер, депутат Учредительного собрания Владимир Зензинов» социолог Фордгамского университета Николай Сергеевич Тимашев «историк и философ религии Георгий Петрович Федотов.

Утро у Карповичей начиналось прогулками до местной почты, за новостями дня, которые черпались из ежедневной русскоязычной газеты «Новое русское слово» и из корреспонденции, приходившей из разных уголков мира (радио, как и электричества, там не было). Иногда во время прогулок по окрестным лесам и полям, когда гости шли собирать грибы и ягоды, завязывались оживлённые разговоры о текущих событиях, особенно о перипетиях, связанных с первым ужасным периодом гитлеровского вторжения в Советский Союз, а также о прошлом и будущем России и русской литературе и культуре. Чаще всего это происходило на переднем крыльце дома Карповичей, обычно во время обедов и ужинов вокруг длинного стола, уставленного русскими блюдами.

Эти летние дни у Карповичей, наверное, напоминали отцу то замечательное

время, которое он провёл в поместье своего дедушки в Украине, и в 1943 г. он решил купить ферму в Вермонте в нескольких милях от Карповичей. Скоро его ферма также стала оазисом русской эмигрантской жизни. Одним из наших первых «постоянных» гостей стал выдающийся историк-меньшевик, значительная политическая фигура и широко известный архивист русской социал-демократии Борис Николаевич Николаевский. Огромный, как медведь, без собственной семьи, он сразу же присвоил себе в качестве «имения» большую комнату в большом амбаре рядом с нашим домом, в котором ещё пахло сеном. Там, на шатком обеденном столе, он написал множество исторических эссе и статей по советским проблемам для «Социалистического вестника» и других русскоязычных журналов, и газет. На много лет Борис Иванович стал кем-то вроде «дяди» для нас с братом, и мой пожизненный интерес к русской истории, без сомнения, сформировался в первую очередь под влиянием общения с ним и Михаилом Михайловичем.

В 1943 г. отец мой прервал свои исследования в MIT. Вместе со своей семьёй он, по приглашению своего старого коллеги по Гёттингену Джеймса Франка, который тогда возглавлял химическое подразделение в металлургической лаборатории Манхэттенского проекта, временно перебрался в Чикагский университет, ставший одним из нескольких научных центров, разбросанных по всей стране, в которых к тому времени началась интенсивная работа по созданию атомной бомбы. Уже тогда учёных - участников проекта начали волновать перспективы развития исследований в области ядерной физики.

В начале июня 1945 г., всего за два месяца до Хиросимы, Франк был назначен председателем Комитета по обсуждению социального и политического значения применения атомной энергии, результатом скоротечных совещаний которого стал известный «доклад Франка». Мой отец был членом этого комитета и автором

основного черновика доклада, который он составил на основе кратких резюме комитетских дискуссий и заметок, сделанных Франком. Работа над докладом была завершена 11 июня. Этот доклад настаивал на том, что атомная бомба должна рассматриваться как инструмент долговременной национальной политики, а не военной целесообразности, что эта политика должна быть направлена прежде всего на реализацию соглашения по международному контролю над ядерным оружием и что бомба может быть использована против Японии лишь как крайнее средство. Франк безуспешно пытался передать доклад непосредственно военному секретарю Генри Л. Стимсону. Стимсон, очевидно, видел его, но не придал ему большого значения.

В то же время творцы американской политики, включая Стимсона и президента Трумэна, были озабочены одной мыслью - победой над Японией с минимальными потерями. Они мало интересовались более долговременными глобальными проблемами и не обращали внимания на заботы учёных - атомщиков. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму 6 августа 1945 г. обозначила начало «атомного века». Вторая бомба была сброшена на Нагасаки 9 августа, и на следующий день японцы капитулировали. Я прекрасно помню реакцию отца на события в Хиросиме. Он был так глубоко потрясён происходящим, что впоследствии посвятил значительную часть своей профессиональной жизни усилиями по предотвращению в будущем возможности других «Хиросим».

Его усилия, направленные на защиту человечества от угрозы ядерного уничтожения, сконцентрировались на двух проектах: 1) «Бюллетень учёных-атомщиков» (Bulletin of Atomic Scientists) и 2) Пагуошское движение. «Бюллетень учёных-атомщиков», который публикуется до сих пор, стал самым продолжительным из многих изданий, созданных обеспокоенными учёными на различных

объектах Манхэттенского проекта, с целью информирования широких кругов населения о политическом и социальном значении применения атомной бомбы. Мой отец и физик Хайман Голдсмит основали «Бюллетень учёных-атомщиков» в декабре 1945 г. менее чем через шесть месяцев после «Хиросимы». Отец был главным редактором и вдохновителем этого издания со дня его создания до последних дней своей жизни. Он превратил его в одну из важнейших трибун интеллектуальных дискуссий в послевоенный период. Цель издания заключалась в том, «чтобы заставить публику в полной мере понять грозную реальность ядерного оружия и далеко идущие последствия того, что и другие народы в течение ближайших лет приобретут ядерное оружие, и о бессмысленности рассчитывать на то, что Америка сохранит «секрет» бомбы».

Под его руководством «Бюллетень» стал лидером свободных дискуссий между ведущими учёными (и не только учёными) мира о воздействии недавних научных открытий на человеческое общество. В разгар холодной войны он доносил до западного читателя, не знающего русского языка, взгляды ведущих советских учёных. В этом выразились глубокое уважение моего отца к русской науке и его убеждённость в том, что все учёные, вне зависимости от национальных границ и международных разногласий, входят в единое сообщество с общими ценностями и критическими перспективами и общей ответственностью перед обществом за их применение в интересах выживания человечества.

Мой отец был одним из основателей Пагуошской конференции. В период с 1957 по 1973 г. было проведено 24 Пагуошских конференций в разных странах мира. Он участвовал во всех, кроме одной. На Пагуошских конференциях раз в год, а иногда и чаще учёные с различными социальными и политическими взглядами находили общий язык и развивали общие подходы к этим вопросам, основанные на

научных и технических методах исследования.

В январе 1947 г. мой отец присоединился к проекту исследований по фотосинтезу, организованному на кафедре ботаники Иллинойского университета. С тех пор до 1969 г., в дополнение к его центральной роли редактора «Бюллетеня» и лидера Пагуошского движения, он развивал целую школу специалистов по первичной фотохимии фотосинтеза.

На протяжении этих лет в Иллинойском университете он проводил каждое лето на своей ферме в Вермонте. Точнее, часть дня он проводил за работой, занимаясь по преимуществу написанием и редактированием статей для «Бюллетеня», а также подготовкой статей и выступлений о науке и общественных отношениях для других форумов.

Но главное, здесь, на чистом горном воздухе, в окружении семьи и друзей, он чувствовал прилив физических и творческих сил. Каждый вечер свет в окне его комнаты не гас до глубокой ночи. Он занимался своим хобби - писал и переводил стихи. В 1965 г. сборник его стихов на русском языке был опубликован в Париже.

После смерти моего отца в 1973 г. соболезнования со словами уважения и признательности посыпались из разных концов мира. Пожалуй, наиболее точное описание как его человеческих качеств, так и его жизненных принципов было сделано сэром Джозефом Ротблатом, близким другом и коллегой его по организации и руководству Пагуошским движением. Как он выразился: «Евгений Рабинович был человеком многих талантов: учёный-естественник и учитель, учёный-классик и современных философ, поэт и литератор, журналист и редактор, социолог и политик. Но главной его чертой была человечность, доброе сердце, полное любви не только к его семье, но и ко всему человечеству. Эта любовь к человечеству и глубокое убеждение в способности науки обеспечить счастливую жизнь для всех были

направляющей силой всей его жизни, философией, которая служила основой всех его действий».